

Модный Свѣтъ

иллюстрированный журналъ для дамъ

Годовая цѣна I-го изданія: Съ 12 раскрашенными картинками: Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки 4 р. — н. — — — — — съ доставкой 5 р. 50. Съ пересылкою въ другіе города 6 — —	Подписка на „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ. Цѣна I-му изданію, съ пересылкою 3 р. 50 л. — II-му изданію, съ пересылкою 4 — —	Годовая цѣна II-го изданія: Съ 24 раскрашенными картинками: Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки 5 р. — н. — — — — — съ доставкой 6 р. 50. Съ пересылкою въ другіе города 7 — —

СОДЕРЖАНІЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Галляна. (Продолженіе). — Женныя дорожки. (Продолженіе). — Улы мерицы. Рассказъ Уильяма Коллинса. (Продолженіе).
Портретное каленіе магнетизма на укрѣпощаго. Рассказъ Эдгара По. — Фальстевъ. — Сибель. — Продолженіе описанія рисунковъ № 33. — Объясненіе.

За тронъ и жизнь.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГАЛЛЯНА.
(Продолженіе).

Въ библіотекѣ вошли три челоѣка, въ чорныхъ бархатныхъ одеждахъ. Первый былъ Виллазмъ Бентингъ, графъ португенскій, довереннѣйшій другъ короля, заботливо ходившій за нимъ, во время его тяжелой болѣзни, его вѣрный, надежный приверепецъ. За нимъ, помошъ Джонъ Поласксенъ, верховный судья гражданскихъ тяжбъ, челоѣкъ, своихъ превосходная познанія и истинно-патріотическій образъ мыслей доказывавшій въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ, когда онъ энергически боролся за свои убѣжденія съ враждебнымъ ему народомъ. Третій былъ Даниэль Финкъ, графъ ноттингамскій, одинъ изъ честнѣйшихъ государственныхъ дѣателей. При назначеніи Росселя шефомъ адмиралтейства, онъ былъ вынужденъ выйти въ отставку. Король, подписывая увольненіе, сказалъ ему: «И отпуская васъ неохотно, только попорился необходимости». Ноттингамъ игралъ важную роль въ парламентѣ, равно уважаемый друзьями и врагами. «Господа», сказалъ король, совершенно ослѣдѣвшій своимъ возмущеніемъ, «отъ души привѣтствую васъ. Сегодня мнѣ что-то вступило въ голову, но, вида васъ, а снова прихожу въ хорошее расположеніе духа».

— Мы счастливы отнѣтъ», отвѣтилъ Ноттингамъ. «Намъ пріятнѣе всего видѣть васъ, болдо переносившаго заботы и труды».

— По истинѣ, тяжкіе труды, мизардъ», сказалъ Вильгельмъ, опуская голову. «Каждый день приноситъ новыя заботы. Вы пришли, вѣроятно, затѣвъ, чтобы представити мнѣ затрудненія, которыя я встрѣчу при исполненіи моихъ наженій?»

— Государь, серьезно пропалсъ Ноттингамъ. «Мы знаемъ, что сегодня въ Сенъ-Джемскѣ дворцѣ соберется совѣтъ министровъ, подъ нашимъ предѣтельствомъ. Мы, представителы различныхъ отраслей государственныхъ дѣлъ, послѣдныя сюда, чтобы еще разъ представити вамъ громадныя препятствія, съ которыми вамъ придется бороться».

Король нѣсколько минутъ смотрѣлъ то на Ноттингама, то на Поласксена. Первый — ревностный другъ, послѣдній — рыцарскій витѣ, соединилъ, чтобы по совѣсти дать королю совѣтъ, для блага отечества.

— Но, господа», сказалъ король, «зачѣмъ вы такъ тревожитесь? Во время моего путешествія, я заключилъ, что выборы будутъ мнѣ благоприятствовать. Вни не останутся въ проигрышѣ, а торіе не окончательно будутъ рабскими. Мы добьемся компромисса, и я достигну цѣли».

— А если вѣсели не достигнете?» спросилъ Ноттингамъ. Король былъ пораженъ и не отвѣчалъ.

— Если не достигнете?» продолжалъ Ноттингамъ. «Тогда, какъ уже случилось однажды, ваше величество снова упрямно и рѣшительно будете отказываться отъ вашего сана и отъ владѣнія надъ англійскимъ народомъ — а именно этого мы желали бы избѣгнуть во что бы ни стало. Ваше призваніе было — начать великое дѣло и продолжать его; съ Божіею помощію вамъ, можетъ быть, удастся довести его до конца. Необходимо предупредить разрывъ между вами и парламентомъ. Въ немногомъ объясняетесь, государь, въ слѣшкомъ полагаете на ваше мужество и на ваше каленіе на народъ. Въ столичныхъ еще продолжается броженіе умовъ. Проклятъ ваше величество: открыты земскія банкі — превосходно, но исполненіе его встрѣтитъ многихъ противниковъ. Города и деревни не сходятся во взглядахъ на этотъ предметъ. Какая партія одержитъ верхъ въ парламентѣ — трудно сказать, но вѣрно только то, что побѣжденные не станутъ менѣе опасны оттого, что ихъ повернутъ на землю и свяжутъ. Финансовое положеніе страны опасно. Намъ угрожаетъ финансовый кризисъ. Черезъ годъ Англія отступитъ изъ положенія, единственнаго въ нашей исторіи: богатѣйшая и просвѣщеннѣйшая страна Европы — всего міра, вспомяни тѣ времена, когда наши предки вели мнѣловую торговлю, потому что богатая Англія будетъ терпѣть недостатокъ въ деньгахъ — да, государь. Этотъ недостатокъ, уже въ прошлемихъ году былъ причиною серьезныхъ затрудненій, и теперь ощущается еще больше. Звонкая монета стала рѣдка въ торговлѣ. Фабриканты съ тру-

домъ уплачиваютъ наличными деньгами своимъ работникамъ, высшія сословія живутъ въ кредитъ, а въ Лондонѣ есть много богатыхъ людей, не имѣющихъ наличныхъ денегъ, чтобы платитъ буччиникамъ и мясникамъ. Вы хотите предложить, блять объ основаніи земскаго банка; какой ужасъ возбудитъ въ англійскомъ народѣ памфлеты правительства, вышѣо звонкой монеты вынудитъ бумажныя деньги».

Зачѣмъ, будутъ говорить, зачѣмъ принимать эти вѣры? Развѣ несли сдѣлать нѣкоторую ограниченіи? Конечно, отвѣтитъ ваши противники, лѣбобы, конечно, можно. Можно уменьшитъ число постояннаго войска, станутаго у Гента, во Фландріи. Массы солдатъ истощаютъ средства страны, а безпрестанное образованіе болѣешихъ войскъ стоитъ чудовищныя суммы».

Король сильно замалчивалъ, и на абу его надулъсь жимы. Португальцѣ, хорошо изучившій его, съ трепетомъ зашпѣлъ эти предвозвѣщанія приближающейся бури.

— Что вы хотите сказать вашей рѣчью? холодно спросилъ король. «И должны распустили армію, должны удалити съ театра войны и оставить поле сраженія врагамъ этой страны и моеи личности?»

— Миръ, — миръ долженъ быть заключенъ, государь», вскричалъ Ноттингамъ. «Миръ необходимъ. Англійскій народъ боится угрожающаго положенія. Торговля въ застой, финансы плахи, или, попросту говоря, денегъ нѣтъ, и если представити себѣ ужасную картину проигранной битвы...»

— Герцогъ Ноттингамъ», съ гнѣвомъ сказала король, «я многого позволяю вамъ, но относително этого вопроса, намъ слѣдуетъ молчать. Я лучше васъ знаю, что дѣлаю».

Герцогъ молча склонился при этомъ взрывѣ неудовольствія.

— Я признаю вашу вѣрность, Финкъ», продолжалъ король, но я не боласишъ. Я буду стоять на томъ, чтобы былъ принятъ блять обѣ урещденіе земскаго банка. Блятъ оттого, будетъ достаточныя правительству средства въ продолженіи войны во Фландріи, чѣмъ упрочится значеніе этой страны, и будутъ унижены враги Англіи и мой, тѣ лѣбобы, которые грозятъ свободѣ

англійскаго народа войсками Людовика, цодъ предводительствомъ Буффлера и Вилларуа. Если сама нація не заботится о своей чести, то сохране- ние ее и буду бороться за нее, — я-и, господа; по крайней мѣрѣ, я попытаюсь, а если мнѣ это не удастся, то я соберу мои дружины полки, кото- рыя парламентъ заставлялъ на повоюющую го- лодать и, вынувъ мечъ, поведу храбрыхъ на враже- ские ряды, и англичане отступятъ въ грудь уби- тыхъ того человека, которого они сами призвали въ свою страну, на свой престолъ. Некоторые изъ васъ покачаютъ головою, смутятся, и ска- жутъ: они вѣсели были храбрыя солдаты; они мужественно встрѣтили смерть и намъ должно быть стыдно, что мы оставили его погибнуть изъ-за того, что по справедности отказали ему въ пѣськовыхъ фулахъ для его арміи». Бѣдное лице короля горѣло, глаза налились кровью, и, производя свои порывистыя рѣчи, онъ схва- тилъ рѣшотку стола и пѣськовыя дойки въ назо- малъ въ кушачи.

— «Государи», въ свою очередь началъ По- лезенсефъ, «мы не хотѣли довести васъ до такого раздѣленія. Скоро, быть можетъ сейчасъ, ваше величество отправится въ совѣтъ министровъ, чтобы рѣшить, ибо вы одинъ имѣете на это право, можно ли предложить парламенту бѣлыя, о которыхъ идетъ рѣчь; поэтому, мы сами обязан- ностью, наложить вамъ нашъ образъ мыслей. Неусишь проекта, предложеннаго вашимъ величеству, можете имѣть весьма печальныя по- слѣдствія. Вы видите, государи, что два чело- вѣка, съ совершенно противоположными убежде- ниями, сошлись въ этомъ пунктѣ. Если парла- ментъ отвергнетъ ваши желанія, опасность для васъ велика; но она не станетъ меньше, если вы одержите верхъ надъ оппозиціей: побѣжденная партія будетъ имѣть надъ тою же мучениковъ, павшихъ въ борьбѣ за благосостояніе націи.

— Ну, сказали королю, господамъ, еще прожвѣ- шивши отъ волненія, «что же мнѣ дѣлать? Что нужно для того, чтобы мои желанія были одобре- ны парламентомъ?»

— Ваши требованія могли бы быть исполнены только тогда, государи, если бы какинъ нибудъ чюдотъ парламентъ и народъ убѣдились, что го- сударству угрожаетъ близкая опасность, и что Англія погибнетъ, если побѣдите вы. Только въ этомъ случаѣ была быль мочь бы проити, по- тому что теперь большая часть англичанъ смот- ритъ на военныя дѣйствія во Фландрію, какъ на пустое припроеженіе времени. Опасности, повидимому, нѣтъ, французскія арміи стоятъ въ бѣдствіи противъ нашихъ войскъ, все это кажется только прогулой, напраснымъ утѣше- ніемъ, вслѣдствіе которыхъ уничтожается благо- состояние Англіи. Франція при этомъ рискуетъ весьма мало: со времени послѣдней войны она по- чи банкротъ, но у Людовика XIV нѣтъ парла- мента, онъ некому отдавать отчетъ въ прои- тыхъ потѣхъ и крови его подданныхъ. Англія же говорить: я хочу знать, за что мы дѣти пла- тить милліоны, которые они заслуживаютъ. Видимой опасности нѣтъ, никакой врагъ не угрожа- етъ намъ серьезно, арміи французскія — игруш- ки, которыми забавляются маршалы, а король Вильгельмъ старается на нашъ счетъ защитить Нидерланды. Одинъ лишь дипломатическій ходъ въ этой игрѣ — и миръ заключенъ. И не скажу, государи, чтобы все это было справедливо и умно.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни то, ни другое, горюо засмѣялся король. Это по prostu гауно.

— Государи, я говорю, какъ говорятъ боль- шинство, спокойно продолжалъ Полезенсефъ. Это большинство не видитъ угрожающей вамъ опасности; оно находитъ многочисленныя войско измѣнниками, потому что такъ же мало замѣчаетъ опасности, грозящую странѣ, и поэтому оно вѣ- шить своимъ депутатамъ въ обязанность согла- саться на выдачу денегъ для арміи не раньше,

чѣмъ когда опасность станетъ очевидна вслѣдствіе. Но такой опасности нѣтъ, и вы не можете рас- считывать на успѣхъ вашихъ усилій заставить пройти бѣлыя одъ утвержденія банка, должеству- ющаго доставлять вамъ средства для войны во Фландрію.

Во время рѣчи первагого судьи, король не своди- лъ съ него глазъ. На лицѣ его выражалась прежняя холодность и равнодушіе. Онъ подождалъ къ Полезенсефу и Ноттингаму и пожалъ имъ руки.

— Благодарю васъ, господа, сказали они. Если ваши слова и не убѣдили меня, то всетаки мнѣ нравится мужество, съ которымъ вы высказали ваши мнѣнія. Народъ и часть народа, парламентъ, того мнѣнія, что миръ можно заключить весьма легко, что войско безопасно, а яю повторно вамъ: мнѣ лучше извѣстны обстоятельства, чѣмъ всѣмъ вамъ, и то, считая себя опытнымъ, я приму мѣры, которыя мнѣ кажутся необходимыми. Благодарю васъ, но я остаюсь при своемъ. На Сентъ-Дже- мскомъ собраніи я сообщу бѣлыя, не смотря на ваши предостереженія, и онъ будетъ предложенъ парламенту, а тамъ буди, что будетъ.

Полезенсефъ и Ноттингамъ поклонились. «Да хранитъ васъ Богъ», сказалъ лордъ, и еще разъ пожалъ руку короля, оба они вышли изъ комна- ты. Вильгельмъ быстрыми шагами подошелъ къ окну и жадно вдохнулъ свѣжій воздухъ; потомъ, подойдя къ Портенду, онъ схватилъ его за плечи и воскликнулъ: «Вильгельмъ, а ничего не бо- юсь, неужели мнѣ нужно отступить?» Портендъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на короля, а потомъ сказалъ:

— Какъ бы ни была велика угрожающая вамъ опасность, вы всегда сохраняли присутствіе ду- ха — поэтому, я не могу посоветовать вамъ от- ступить.

— Да, правда, воскликнулъ король. «Я не сѣю поидать во Фландрію моихъ солдатъ. Сати- нъ, думаю, что ни французскія корабли, ни Іа- ковъ Стюартъ ничего не предпринимаютъ про- тивъ Англіи — жестоко обмануты — но тогда уже будетъ поздно — поздно. О, Вильгельмъ, горестно продолжалъ онъ, прислонившись головою къ груди друга, «я несчастный челоувѣкъ — народъ такъ горячо былъ привязанъ ко мнѣ; еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ оказывались по- чести. Наконецъ, въ моемъ послѣднемъ путеше- ствіи и имѣлъ доказательства привязанности мо- ихъ подданныхъ, а теперь народъ часто мѣняетъ свои привязанности, онъ одинаково въ мелочахъ и въ важномъ дѣлѣ: попробуйте унести мѣшокъ съ товаромъ у лавочника — онъ покажетъ дверь. Имъ нужны доказательства близкой опасности?»

— Развѣ мало мнѣ, что въ Кале дѣлаются при- готовленія для переноски войскъ? Развѣ гавань и городъ не кишатъ кораблями и солдатами? Развѣ Буффлеръ не получилъ приказанія удалиться изъ Фландріи, чтобы принять начальство надъ насту- пающими войсками? Да, сегодня я получаю извѣ- стіе, что король Іаковъ уѣхалъ изъ Сентъ-Иер- меса въ Кале, что въ Клермонъ онъ явился съ Бервикомъ, прибѣжавшимъ вѣроятно, съ англій- скаго берега. Мнѣ сообщаютъ это изъ Непурта барварскій курфюрстъ — вотъ бумажка». Онъ быстро схватилъ нѣсколько денегъ и подалъ ихъ Пор- тенду. «Вотъ — вотъ они, доказательства близ- кой опасности».

— Если вы представите эти доказательства совѣту министровъ и сообщите парламенту объ этой опасности, то вы можете рассчитывать на его согласіе, сказалъ Портендъ.

— Боюсь, что этого не случится, возразилъ король, «ты слышалъ, что говорили Ноттингамъ и Полезенсефъ: на все это смотрятъ, какъ на за- баву французамъ, которые хотѣтъ устранить насъ, и не хотѣтъ выдать денегъ, необходимыхъ для энергичной защиты нашихъ правъ; пусть увидятъ, къ чему это поведетъ. Во всей Англіи нѣтъ десяти тысячъ солдатъ, армія находится во Фландрію; если французы паскоро соберутъ

флотъ и высадное войско, оно немедленно разо- бьетъ насъ; тутъ не сможетъ помочь армія, по- нинутая народамъ и въ бѣдствіи стоющая во Фландрію — а я — я буду принужденъ сѣяться по свѣту, какъ бытъся». Съ ранняго дѣтства а привыкъ къ заботамъ и опасностямъ, но никогда еще не былъ въ такомъ страшномъ положеніи. Сознаниѣ ли ты, что это значить быть беззащит- нымъ? беззащитнымъ быть предостереженнымъ, прату? да, другъ мой — ты ушибѣшь это попятъ, ты стоишь вѣдь меня въ ужасныя минуты, ко- гда рѣшалась побѣда или потѣбѣла — по въ то время не торговались за каііе пивныя жалкія фунты денегъ — нѣтъ, тогда меня просили бороться, вступиться за Англію. Теперь не то. Онъ схва- тилъ руку Портенда. «Знаешь, чего я хотѣлъ бы, Вильгельмъ? Чтобы на меня сдѣлаа нападеніе шайка убійцъ — тогда, быть можетъ, англійское дворянство стадо бы было заботиться обо мнѣ, и убійцѣмъ бы, что есть люди, старающимся разрушить благосостояніе государства, которое я стремлюсь упрочить».

Портендъ осматривалъ. «Вы видѣли Куттеса?» вдругъ спросилъ онъ.

— А ты, думаешь объ этой исторіи — аго- воръ противъ меня? — это смѣшно. Онъ и не по- пытался убійтъ меня. Въ послѣдніе дни имъ десять разъ представлялась возможность сдѣлать это. Я не вѣрю подобнымъ вещамъ. Продажи Фуагера, Юнга и Гааффа еще слишкомъ поны- ны — все это было выдумѣ. Нѣтъ — замислы явобитовъ и французамъ всегда болѣзненныхъ раз- мѣровъ — и обстоятельства, къ тому же, да нихъ самыя благопріятныя — въ странѣ нѣтъ денегъ и я самъ — бѣдный челоувѣкъ. Тебѣ вѣроятно мо- касса, Вильгельмъ — я правитель богатѣйшаго го- сударства — ха, ха, ха — посмотри мою ша- тушку — тысяча фунтовъ составляютъ мой на- рманныя деньги. Я долженъ буду занимать у бан- кировъ въ Сати, чтобы покупать кормъ лоша- дамъ».

Король протестовалъ; войтинъ его подругивалъ, и съ нимъ сдѣлаась сильная припадокъ. Наши. Онъ съ трудномъ переводилъ дыханіе и тяжело опустился на стулѣ, съ помощью подбѣжавшаго Портенда. Голова короля покосилась на грудь Портенда, и этотъ вѣрный другъ примѣтилъ сле- зу на рѣсницѣ Вильгельма — слезу глѣзу и до- сажу на преграды, которыя упрямство воздвигало на пути его великихъ предпріятій. Король всегда умѣлъ овладѣть собой, являлась передъ тою, но въ этотъ кабинетъ, въ присутствіи добренѣйшихъ друзей, часто таила ледяная кора, поидому, покрывавшая его сердце, онъ становился мягокъ, и окружающие его видѣли передъ собою совершенно иного челоувѣка. Выдавались дни и часы, въ которые глубоко огорченный и потре- пенный король, какъ дѣти ослѣпавшаго смерть лю- бимыхъ имъ людей. Иногда, подобно самымъ обыкновеннымъ людямъ, онъ разражался гнѣвомъ за обманутую надежду, но за порогами сво- ей комнаты король не высказывалъ никакого во- денія. Портендъ часто бывалъ свидѣтелемъ по- добныхъ сценъ, и спокойно ждалъ, пока король опоминется.

— О, воздохнулъ король. «Платье я малоумень- ш и вотъ нахаживаю — иди напоминаніе о томъ, что я немощный челоувѣкъ — вотъ — вотъ — я чув- ствую это». Онъ указалъ на рубъ. «Моя голова — моя голова», простоналъ онъ, потрясавшимъ на- шемъ. Глаза его широко открылись и устремились въ потолокъ; онъ впадалъ въ полнѣйшую апатію, боль на нѣсколько времени совершенно оладѣла мощнымъ духомъ короля, лицо которого выража- ло сильное физическое страданіе. Король съ дѣт- ства страдалъ жестокою головною болью, му- чившимъ его по нѣсколькимъ недѣлямъ, и постоян- нымъ нахаживъ; онъ никогда не могъ хорошо спать, если голову его не подпирала толстая по- душка. Могучая сила воли поддерживала это сла- бое тѣло, и въ часы битвы, Вильгельмъ совер-

малъ подвиги и не отступалъ ни передъ какими успѣхами. Портлендъ съ чувствомъ смотрѣлъ на своего слабаго, утомленнаго царственнаго друга, который отдыхалъ на его груди.

Король тяжело дышалъ.

— Государи, такъ сказалъ Портлендъ, не подай ли намъ утѣхи?

Король часто употреблялъ это средство. «Нѣтъ, нѣтъ», проговорилъ Вильгельмъ. «Мнѣ уже лучше. Возьми-пожалуй эту бумагу—вонъ ты. Она указываетъ на листъ, который читалъ, разговаривая съ Куттсомъ».

Портлендъ всталъ и сталъ читать. Это были адонисныя памфлеты, написанныя дурными стихами, на казначейскія свѣдѣтельства, изобрѣтенныя государственными совѣтниками Карломъ Монтаномъ, про которые упоминалъ Ноттингемъ.

— Что ты скажешь на это? спросилъ король, слабо улыбаясь.

— Жалко—гауно, возразилъ Портлендъ.

— Но несправедливо. По мѣрѣ силъ, я заболѣлъ объ этомъ народѣ, а онъ ругаетъ мои учрежденія такъ же, какъ ругаетъ уличныхъ бродягъ.

— Но сегодня и получилъ такое пріятное посланіе, сказалъ Портлендъ, со смѣхомъ вынимая письмо. Быть можетъ, ваше величество нѣсколько разсѣется, если я...

— Читай, читай», разсѣянно сказалъ король.

Портлендъ развернулъ письмо и прочелъ:

«Милордъ! Не смотря на всѣ успѣхи, мнѣ до сихъ поръ не удалось говорить съ его величествомъ. Мои попытки подвиги къ нему остались безуспѣшны, и я была горю оттолкнута. Я люблю короля Вильгельма, то есть: я уважаю его величество. Изъ любви къ нему, я порвала всѣ родственныя отношенія, и несма жала бы нѣчто сообщить ему. Касса короля пуста».

— О—печальная истина», промолвилъ Вильгельмъ. «П объ этомъ уже толкуютъ въ народѣ».

«Мнѣ кажется», продолжалъ читать Портлендъ, «что я имѣю средства наложить эту кассу. Быть можетъ, меня осудятъ, но я уже приготовилась къ этому. Одинъ изъ моихъ друзей, весьма ученой человѣкъ, занимавшійся изслѣдованіемъ древности, нашелъ, что въ различныхъ мѣстахъ Англіи скрыты большія сокровища, какъ напримѣръ въ моемъ родномъ Кентѣ. Если его величество развѣдываетъ моему другу происшествіе тамъ раскопки, то это предпріятіе увѣчается громадною выгодой. Васъ, милордъ, прошу я, доставить мнѣ случай съ глазу на глазъ видѣться съ королемъ. Я стара, королю нечего опасаться женскихъ уловокъ. На дняхъ я являлась въ Сент-Джемскіе, когда король будетъ тамъ. Останусь съ глубокимъ почтеніемъ въ вашей свѣтлости».

Массъ Рэхелъ.

Король вслухъ читалъ письмо съ такимъ вниманіемъ, на сколько ему позволяло нездоровье.

— Это странно, сказалъ онъ. Ты упоминаешь о скупѣ, который распространялся на счетъ заговоръ, и который тебѣ сообщилъ Куттсъ. Ну, сегодня утромъ Куттсъ предостерегалъ меня отъ какой-то позарядной старухи, въ послѣднее время беспрестанно пользовавшейся въ Сент-Джемскіе, съ намѣреніемъ говорить со мною. Поневолѣ подозрѣваетъ ее въ сношеніяхъ съ любящими и въ участіи въ заговорѣ противъ меня. Мнѣ это сѣшно, потому что эта женщина, безъ сомнѣнія, сумасшедшая. Ты можешь закончить это въ открытіи, которая она хочетъ сообщить мнѣ. Конечно, если бы у меня были всѣ деньги, Королю закрыты въ землѣ Англіи, я не нуждался бы въ парламентѣ.

Портлендъ нѣсколько встревожился. Вѣрный слуга имѣлъ поводъ опасаться за своего господина. Жизнь Вильгельма была постоянной борьбой съ нищетой, массами работы и покушеніями на его жизнь. Счастливыя случайности спасали его отъ послѣднихъ. Портлендъ, пережившій всѣ

эти обстоятельства, присматривался къ мажоритамъ, принакамъ. Онъ зналъ храбрость и хладнокровіе короля, зналъ, что ему нечего много говорить объ угрожающей опасности, поэтому онъ промолчалъ и только спросилъ: «Такъ это старуху не принимать?»

— Конечно, нѣтъ, сказалъ король. «Такъ мнѣ и есть теперь время возгнѣсь съ искушеніями злодѣевъ».

— Я не выпущу ее изъ виду, промолвилъ Портлендъ.

Король снова закинулъ голову и закрылъ глаза. Въ это мгновеніе вину раздался барабанный бой и звукъ трубъ. Король вскочился, какъ отъ дѣйствія злѣбскаго тока, его солидность исчезла, утомленная голова поднялась, глаза зашверкали, члены распрямились и дыханіе стало свободнѣе.

— Я долженъ сейчасъ ѣхать въ совѣтъ министровъ, сказалъ онъ твердо. «Видимъ, я не сѣмъ быть болѣе». Я скажу свое мнѣніе всѣмъ этимъ господамъ въ Сент-Джемскіе, я прикажу имъ представитъ бѣду. Я утвержу, воскликнулъ онъ, намекая на свой девицъ, сдѣлаю знакъ другу и оба вышли изъ комнаты.

— Черезъ четверть часа, король, въ парадномъ гардеробномъ мундирѣ, съ сузаномъ на шляпѣ, вошелъ на дворъ замка. Здѣсь ожидали его открытая коляска, нѣсколько придворныхъ и двѣнадцать гардейскіе верхи, подъ предводительствомъ Генри Роббартъ. Никто не замѣтилъ немощи короля, которой онъ поддался нѣсколько времени тому назадъ. Звеня шпорами, промолвъ онъ по выложенному плитамъ двору, откинулъ на привѣтствіе гардейскіе. Взглядъ его былъ добръ, онъ держался свободно и почти везело—его радознава предоставная борба.

— Въ Сент-Джемскіе, крикнулъ онъ, садись въ экипажъ. Колеска, окруженная гардейскими, покатилась быстрою рысью въ рѣмчатыхъ воротамъ Кенсингтона, и скоро весь побѣдъ скрылся въ рошѣ Гайль-Парка.

(Продолженіе будетъ).

ЛОЖНАЯ ДОРОГА.

(Продолженіе).

II.

Однажды вечеромъ я предполагалъ поздно поработать. Карета остановилась передъ домомъ, и спустя короткое время, уѣхала. Ко мнѣ постучались; вошла женщина, которую я узнавалъ, это была нянька моихъ малыхънкихъ сестренокъ.

— Няньки, сударь, за безпокойство, произнесла она съ очень замѣтнымъ англійскимъ акцентомъ. Господа болѣны и мы не знаемъ, что дѣлать. Вы докторъ, помогите ей».

Я отозвался.

— Умолю васъ, возразила она, за докторомъ барыни уже послано. Они живѣтъ далеко отсюда; покажите, пока они еще не приѣхаютъ».

Я уступилъ просьбѣмъ этой преданной служанки и сошелъ внизъ. Сердце у меня сильно билось. Меня ввелъ въ темную комнату, гдѣ мадамъ Мортимеръ разражалась рыданіями. Съ ней сдѣлался сильный нервный припадокъ. Смушанный напильничнымъ образомъ, я не имѣлъ времени разсмотрѣть что либо изъ окружающаго меня. Черты моей сестры-дочери только измѣнились, что я едва могъ узнать ее. Смертная блѣдность покрывала ее лицо, зубы стучали. Успокоительныя средства, употребленные мною и присутствіе незнакомаго человѣка мало по малу привели ее въ чувство.

Съ этого дня я имѣлъ множество печальныхъ случаевъ излечить ее темпераментъ; никогда я не встрѣчалъ такой нервной женщины. Благодаря лекарству, дрожь у ней утихла и сердце перестало биться съ удвоенною скоростью. Мало по малу

лицо ее приняло англійское выраженіе и на щекахъ загорѣлъ румянецъ съ самымъ нѣжнымъ розовымъ оттѣнкомъ. Это была огурия изъ славной кости, которую начинала охватывать рука художника. Я поставилъ служанку у ноготолы большой и удалился.

Ночь прошла для меня въ состояніи среднѣе между сномъ и бодрствованіемъ. Это лицо, явившееся передо мною на минуту, не покидало меня. Распоряжались моими свидѣніями, я мечталъ о мадамъ Мортимеръ, представляла ее въ смертельной опасности и спасенію, благодаря мнѣ. Когда наступилъ день вывелъ меня изъ состоянія почти летаргическаго, мнѣ показалось, что я проснулся, хотя въ сущности только воображалъ себя спящимъ. Сойдя утромъ внизъ, я освѣдомился о здоровьи большой. Она, говорятъ, не взошла; думали, что она спитъ. На лекціяхъ я съ нѣкоторой жалостью смотрѣлъ на товарищѣ и пытался нѣсколько разъ обвѣщать имъ: «я знаю больше вашего, и спящъ человѣкъ».

По возвращеніи домой я получилъ письмо, показавшее мнѣ немного тяжѣлымъ, какъ будто въ немъ были деньги. Кто могъ бы прислать мнѣ его? Конечно, не мои родные. Названный почтарь и надуманный конвертъ не могли придти изъ Нормандіи. Я поднялся къ себѣ въ комнату, чтобы вдоволь насладиться удовольствіемъ распечатать письмо. Изъ бумаги, сложенной въ четверо, которую я поспѣшно развернулъ, вылазла монета. Это была прекрасная андлури. Тогда еще не была изобрѣтена нѣмическая монета въ десять франковъ, уменьшающая расходы пациентовъ на счетъ мармала докторовъ. Въ запискѣ было нѣсколько словъ, изъясняющихъ благодарности. Это сухое и вѣжливое письмо побуждало во мнѣ самый тонкій гнѣвъ. Для чего присылать деньги мнѣ, который бросился бы для нея въ огонь? Заслуживалъ ли мои почтенія такое вознагражденіе? Мнѣ было оскорблено; я думалъ, что мои совѣты, мое достоинство, наконецъ счастье обманываютъ возвратитъ деньги мадамъ Мортимеръ; я, за минуту передъ симъ считавшій себя спасителемъ жизни, повторялъ теперь, что первый прішедшій могъ бы сдѣлать то же самое. Отчего я сдѣлалъ такъ скромно, послѣ такого самохвальства. Кто можетъ размотать запутанный клубокъ нашихъ ощущеній. Кто-можеть въ смѣшномъ моткѣ извѣстныхъ насъ нитей различитъ руководящую? Голубая она, или красная! Тайное желаніе увидѣть мадамъ Мортимеръ, безъ сомнѣнія, оцѣнужало меня и дѣлало такимъ скромнымъ. Никогда еще я не разсуждалъ такъ здраво объ обязанностяхъ благороднаго человѣка. Сколько состраданія, сколько нежности, чѣмъ я дотронулся до козлоглазка. Послѣ этого говорить, что любовь не разсуждаетъ! Какое заблужденіе! Она разсуждала, конечно, это правда, но разсуждала много, чему я служу доказательствомъ. Однимъ словомъ, я такъ проникнуша благодарствомъ, такъ былъ увѣжденъ въ справедливость своего намѣренія, что почти безъ боязни вошелъ въ залу, гдѣ мадамъ Мортимеръ просила позвождать. Комната была обширна и соединялась съ садомъ дѣрною, выходившей на балконъ. Убранство комнаты подчинилось извѣстному плану. У каминя нѣсколько креселъ представляло удобное помѣщеніе для болтовни; при одномъ изъ оныхъ большой столъ былъ предназначенъ специально для рисованія акварелью. На немъ стояли мольберты и ставаны, напоенные нѣжной водой для мыканія кистей. На фортепьяно, къ которому я подошелъ, я замѣтилъ партитуру изъ *Дон Жуана*, нѣсколько старинныхъ французскихъ романсовъ, да дѣтъ или три оперы-буффъ Гретри. Всѣ эти разрозненныя вещи были, повидимому, въ частомъ употребленіи. О роскоши ничто не напоминало. Мебель была обита сѣткою; только красивый коверъ, да нѣсколько дорогихъ вазъ выдавались изъ общей простоты. Какое убитые у женщинъ выражать посредствомъ неодушевленныхъ предметовъ свою

правственной природу. То, что и видѣть, было выраженіемъ души. И, который могъ сравнить эту заду толпу съ деревенскими комнатами нашего нормандскаго дома, или съ неспиритизмическими камерами медицинскіхъ школъ, или, наконецъ, съ дубочно изукрашенными кофейными, въ которыхъ проводилъ вечера, и принималъ эту излишнюю комнату, за покой двора. И былъ вѣтъ себя отъ радости, увидя, какъ дверь отворилась и вошла мадамъ Мортимеръ. Съ перваго взгляда и была ошеломлена: мѣ представлялась гармонія длиннѣхъ складокъ одежды, блондуры волосъ, большнхъ голубыхъ, уставшихъ глазъ и оторопительное выраженіе лица; это было смѣсь красоты и грусти. Если бы и употребилъ въ дѣло всѣ французскіе слова, то не могъ бы выразить всей прелесть этой гармоніи. Прибавьте къ этому запахъ флоры, которую она всегда носила съ собою и которая давала чувствовать себя издалека. Она подошла ко мнѣ, какъ бы пламя; такая походка была ей свойственна. Она протянула мнѣ руку, а я въ смущеніи не зналъ, куда дѣвать свои картуса. Я хотѣлъ заговорить, но она предупредила меня.

— Вы очень любезны, что пришли; мы нуждались мое желаніе отблагодарить васъ лично, сказала она пріятнымъ голосомъ.

— О! мадамъ, пробормоталъ я, забывъ уже цѣль моего визита и опуская въ карманъ монету, которую до сихъ поръ держалъ въ рукѣ.

— Не смотря на вашу молодость, вы спасаете больныхъ. Мой докторъ, прѣхавъ ко мнѣ, одобрилъ всѣ наши средства. Сегодня я чувствую себя гораздо лучше. Не правда-ли, и выгляды здоровѣе.

— О! сударыня.

Я отыскалъ стоя и не смѣя сѣсть. Она пригласила меня сѣсть противъ нея и, спросивъ позволенія, сѣла за работу.

— Я не учѣю бы прадной, сказала она съ улыбкой. Хотя вы, занимающіеся серіозно, конечно, не знаете рабочей пуськи матеріи, который вышиваетъ женщины.

— О! сударыня, отыскавъ и, перемѣнивъ тонъ, но на ту-же тему. Я находился за сто мѣль отъ моего рѣшнмості и заранѣе приготовленныхъ фразъ.

Видя по мнѣ такой недостатокъ храбрости, она вѣдала за самое простое средство, начавъ разсказывать о моихъ родителѣхъ и провинціи. Извѣсть мой вѣдуръ развѣрнулся и сѣлся на столько смѣлъ, на сколько прежде былъ скромнѣе; она, повидному, интересовалась разсказомъ о моей роднѣ, между тѣмъ, какое было ей дѣло до того, что отецъ мой практиковалъ въ Байѣ и что нашъ домъ имѣлъ два этажа?

По прежнему она оставила работу, складывала руки и слушала мой рѣчь, смотря на меня и приговаривала «скажите, пожалуйста»; это пришло мнѣ въ восторгъ. Я былъ смѣшнѣе, смущенъ, если хотѣте; однако, не во все недоволю. Я захотѣлъ блеснуть и перешелъ отъ Нормандіи въ романы.

Я былъ покомниномъ Жоржъ-Сандъ и вскричалъ трагическимъ тономъ:

— Леа, это мой молитвенникъ!

Она слегка улыбнулась и, не обращая вниманія на смѣшную форму похабамъ, приняла участіе въ моемъ сочувствіи.

— Вы правы, любя то, что прекрасно.

Мнѣ трудно, не краснѣя, признаться въ своемъ глупомъ увѣщеніи. Я воображалъ, что имѣю громадный успѣхъ и, отходя въ сторону картуса, предался всей силѣ моего краснорѣчія. Съ подлинными на воздухъ руками, съ блестящими глазами и взбитыми волосами, я ораторствовалъ, какъ вдругъ дверь отворилась. Вошелъ человѣкъ, съ которымъ я нѣредко встрѣчался въ прихожей. Онъ пожалъ руку мадамъ Мортимеръ и расцѣлся съ свободой, возбужденной во мнѣ завистью; тогда

только онъ замѣтилъ меня. Взагядъ его выражалъ такое удивленіе, что я не зналъ, какъ отвѣчать на этотъ вѣмой вопросъ. Мадамъ Мортимеръ замѣтила мое смущеніе и положила ему копей.

— Позвольте, сказала она новопришедшему, представитъ вамъ г. Нативеля, того молодого доктора, о которомъ я вамъ говорила; онъ пришелъ во мнѣ большое участіе. Г. Нативель, прибавила она, обратился ко мнѣ, г. Леснардъ, одинъ изъ моихъ друзей.

Какъ бывастъ посѣлъ всаного представанія, послѣдовао молчаніе. Оно не могло быть продолжительнымъ съ такимъ свѣтскимъ человѣкомъ, какъ г. Леснардъ.

— Давно вы въ Парижѣ? спросилъ онъ меня съ видомъ большаго интереса.

Онъ желалъ узнать только эту подробность изъ моей жизни, потому что это было единственнѣйшій вопросъ, съ которымъ онъ удостоилъ обратиться ко мнѣ.

— Я пришелъ отдать вамъ отчетъ въ порученіи, возмозженномъ вами на меня, обратился онъ къ мадамъ Мортимеръ.

Онъ, очевидно, надѣлся, что я распрощаюсь. Я и не думалъ; мысль пройти черезъ залу гнула меня. Неожиданный на своемъ мѣстѣ, я слушалъ ихъ разговоръ загадками, съ примѣью итальянскихъ фразъ и не думалъ уходить. Необходимости удалиться тогда пришла мнѣ на мысль, когда мадамъ Мортимеръ оставила меня одного въ залѣ, подѣ предлагая сказать нѣсколько словъ наединѣ г. Леснардъ. Она объявила, что уйдетъ на пять минутъ, но разговоръ ихъ продолжался полъ-часа.

Наконецъ она аявилась въ залу, много разъ напавшая, но г. Леснардъ а больше не видѣлъ. Я хотѣлъ продолжать прерванную рѣчь съ того мѣста, гдѣ остановился; но, уи! она не слушала меня съ такимъ сочувствіемъ, какъ за минуту передъ этимъ. Наклонивъ голову, съ вѣжливыми глазами, она пристально смотрѣла на узоръ. Это было выраженіе грусти. Легкая улыбка отъ времени до времени доказывала, что она жива. Между тѣмъ, я все еще не могъ рѣшиться... все такъ надо было пройти залу. Эта зала наводила на меня ужасъ.

Долженъ-ли я подать руку? Могу-ли просить позволенія прийти еще разъ? Столько неразрѣшнмыхъ проблемъ! Всѣ эти страхи заставляли меня остаться. Однако, я не рискнулъ не уйти, посѣлъ того, какъ накрыли столъ. Это обстоятельство обратило меня въ бѣгство. Мадамъ Мортимеръ была такъ любезна, что пригласила заходить.

«Мнѣ, вѣроятно, еще увидимся!» сказала она.

Пондѣе, когда я созналъ всю степень моей неадекватности, я синсочувствіемъ еще болѣе приаавала меня къ ней. Какия послѣдствія для меня имѣла эта новая приваанность, вы увидите.

(Продолженіе будетъ).

РУКА МЕРТВЕЦА.

РАССКАЗЪ ЭДМОНДА ВОЛАНСА.

(Продолженіе).

Спокойной ночи! Едва были пропущены эти слова, едва затворилась дверь за ушедшимъ, какъ Артуръ уже въ половину раскисался въ своемъ неблагоприятномъ общаніи. Хотя, по натурѣ, онъ не былъ очень некоммунистиченъ и не имѣлъ недостатка ни въ борости духа, ни въ физическомъ смѣлѣ, однако, присутствіе мертвца поаило на его голову подобно ледяной дуни, когда онъ остался одинъ въ комнатѣ — одинъ и притомъ до сѣдлываго утра. Человѣкъ болѣе разсудительнѣйшій, чѣмъ онъ, не сталъ бы долго раздумывать надъ сдѣланной олонностью, а дѣйствовать бы просто по внушенію ума, который волею въ през-

нюю волю. Но Артуръ былъ слишкомъ молодъ, чтобы презирать насмѣшки, даже писаного разлада; — слишкомъ молодъ, чтобы спонносно перенести мимолетное униженіе и подѣть поводъ къ этому униженію, повновннсь провести цѣлую ночь tête à tête съ мертвецомъ.

— Впрочемъ, думалъ онъ, вѣдь дѣло въ нѣсколькихъ часахъ; я уйду отсюда, прежде чѣмъ войдетъ солнце.

Думая обо этомъ, онъ смотрѣлъ на занатую постель... Рѣшительное возмущеніе, образованное ногами трупа, опять привлекало его вниманіе. Онъ подошелъ къ нему и опустилъ пологъ, заботясь о томъ, чтобы нечаянно не взглянуть на мертвца и не расстроить нервомъ запомнившимся непріятнаго обраа. Онъ осторожно задернулъ пологъ и невольно вздохнулъ.

— Выдагали! — промолвилъ онъ такъ грустно, какъ будто зналъ этого человѣка... Да, блѣдный человѣкъ!

Затѣмъ онъ подошелъ къ окну. Ночь была темна и нельзя было ничего различить вѣтъ дома. Дождь все еще стучалъ въ окна. По этому шуму онъ заключилъ, что окно выходило на заднюю сторону дома, потому что фасадъ, какъ онъ помнилъ, защищающій отъ непогоды заборомъ и былинными на дворѣ пристройками.

Въ то время, какъ Артуръ все еще стоялъ у окна, — такъ какъ монотонный стукъ дождя былъ для него болѣебгненіемъ, напавшимъ какъ сколько нибудь о жизни по вѣннмъ мѣрѣ, — въ это самое время въ отдаленіи пробѣло десять часовъ на церковной башнѣ... Только десять!... Какъ провести время до сѣдлываго утра, когда присутствію лжи гостиницы!

Во всякомъ другомъ случаѣ, онъ сошелъ бы въ бгуюзападъ public-house'a, спросилъ бы ставая гроба и сталъ бы болтать и смѣяться съ людьми, которыхъ встрѣтилъ бы тамъ, какъ съ своими академичскими друзьями. Но убитъ такимъ образомъ, живя вовсе не соотвѣтственно его настоящему настроенію. Его воле положеніе, повидному, преобразовало его въ собственннхъ глазахъ. До сихъ поръ онъ велъ тихую и прованскую жизнь молодого человѣка, вѣчно счастливаго, шураву перенесеніемъ нивагого горали или пелатанія. Онъ не аявлялся аявнмъхъ родителѣ, не потерялъ ни чей дружбы. До этого вечера печальное достопіе, которыми провиндіе надѣлала каждаго изъ насъ, оставался для него подѣ съудомъ. До этого вечера смерть не становилась передъ нимъ лицомъ къ лицу, даже въ сонидіи.

Онъ промоча нѣсколько разъ по комнать и вдругъ остановился. Сказать спомъ по паркету, попрытку тонамъ корвомъ, рѣзалъ ему уши. Пробывъ съ минуту въ нерѣшнмостн, онъ кончалъ тѣмъ, что слязалъ сапоги и продолжалъ ходить уже безъ всякаго шума. Онъ потерялъ всаую охоту по оху, или отху. Одна мысль разнугнуса на кровати казалась ему ужаснмъ, неадекватнмъ положенію мертвца... Кто былъ этотъ человѣкъ? Какова исторія его прошедшей жизни? Безъ сомнѣнія, онъ былъ бѣденъ; какъ иначе объяснить его пребываніе въ такомъ мѣстѣ, какъ гостиница *двухъ краснорѣзъ*; — продолжительная болѣзнь должна была постепенно ослабить его, иначе онъ не могъ бы умереть такъ, какъ раскисавшему содержатель гостиницы. Блѣдный, большой, покинутаый — умершій подѣ нестерпимнмъ кровомъ, не возбуждалъ ни въ комъ сожалѣнія, кромѣ незнакомаго ему человѣка!... Печальна, въ самомъ дѣлѣ, исторія, и если судить по тому, какъ кажется, то жизнь эта достояла сожалѣнія.

Въ то время, какъ эти мысли одна за другой сѣдѣвали въ умѣ Артура, онъ незантно подошелъ къ окну, подѣ которого, какъ сказано, находилось подлѣние кровати, прикрытый пологомъ. Артуръ сперва раскисаю смотрѣлъ въ ту сторону; затѣмъ онъ почувствовалъ, что глаза его остановились на постели; — тогда въ немъ родилось

аже желание сдѣлать то, отъ чего онъ общалъ себя воздержать, — т. е. посмѣлѣть на мертвеца.

Онъ протянулъ руку къ полу; но, не успѣвъ его отдернуть, быстро повернулся спиною къ постели и отпирался къ камину разсматривать предметы, которыми онъ былъ увлеченъ, надбавляя такимъ образомъ отвѣтъ на неотступную мысль.

На каминѣ стояла чернильница, съ остатками запозднѣвшихъ чернилъ на ней. Тамъ же стояли двѣ глянцѣныя вазы самого простого издѣлія и двѣ печатныя картонки, желтая и заспеленная мухами; на картонѣ во всѣхъ возможныхъ направленияхъ разбросанными чернилами была начата печатная коллекція неотранныхъ загадокъ. Они падали карту и съѣзъ за столъ, спиною къ кровати.

Онъ прочиталъ первую загадку, вторую, третью, — все въ томъ же угру; потому съ нетерпѣніемъ перенеруалъ карту, чтобы начать чтеніе въ другомъ порядкѣ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ снова начать чтеніе загадокъ, отдаленный звонъ кураторъ отвлекъ его вниманіе.

— Одинадцать часовъ...

Артуръ промѣлъ уже цѣлую часть въ комнатѣ, гдѣ лежалъ мертвецъ.

Онъ снова посмѣлѣлъ на картинку, лежавшую передъ нимъ. Трудно было разобрать знаки, напечатанные на ней, по причинѣ снудности свѣта, исходящаго отъ свѣчи, оставленной холостымъ — она была сальная и стояла въ тяжеломъ, старинномъ подсвѣчникѣ съ желѣзными шпинцами.

Дотой минуты Артуръ былъ слишкомъ озабоченъ, чтобы подумать объ освѣщеніи. Онъ не замѣтилъ, какъ свѣтлыя вышла изъ пламени, образовалъ на своей вершинѣ крышечку, съ которой по временамъ падали остатки обугленной свѣчницы. Онъ всталъ шипцы и обрѣзалъ свѣчницу. Свѣтъ немедленно усилился и комната стала болѣе веселой видъ.

Артуръ принался за загадки, разбирая ихъ съ необходимыми терпѣніемъ, то въ одномъ углу карты, то въ другомъ. Но, не смотря на всѣ успѣхи, онъ не могъ сосредоточить вниманія на загадкахъ и машинально продолжалъ это занятіе, не понимая значенія своихъ, мѣлкихъ шаговъ передъ его глазами. Повидимому, тѣмъ, бросясь на постель, обжурной пологомъ, похитился между дугою его головною и буками — тѣмъ, которую ничто не могло устранить. Наконецъ, отказавшись отъ этой перерывной борьбы, онъ съ досадою отбросилъ карту и началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, тѣмъ же быстрымъ и беззвучнымъ шагомъ, какъ прежде.

Мертвецъ, мертвецъ, мертвецъ, *справданный* похъ пологомъ отъ кровати!... Это была мысль, не дававшая ему покоя... Спрятанный!... Что такъ смущало Артура: присутствіе ли трупа, или прегрѣда, поставленная между труномъ и нимъ? Онъ остановился у окна, проклиналъ это отсутствіе всякой логики и снова началъ прислушиваться къ шуму дождя и всматриваться въ непроглядную тьму.

— Вспому мертвецъ!

Темнота не позволяла разсѣяться его мыслямъ и, усиливая его воображеніе, съ необыкновенной ясностью и отчетливостью воссоздавала множество впечатлѣній, оставленныхъ при первомъ взглядѣ на мертвое тѣло.

Вотъ суровое лицо покойника закрывалось въ темнотѣ и сморщало на Артура своєю опухавшей стека; оно было еще блѣднѣе, чѣмъ прежде и между сомкнутыми рѣсницами блискалъ зрачокъ; — полуоткрытыя губы начали все болѣе и болѣе отдѣляться одна отъ другой — маю по малу черты лица увеличивались и обнаживались, напоминая все опущеную раму, заглушая дождь и заставляя темноту юнги.

Звукъ голоса, раздавшійся вблизи извѣстница, мгновенно распылялъ аппаратъ, созданный его во-

ображеніемъ. Онъ узналъ голосъ содержателя гостиницы:

— Забирайте въ полночь, Бонъ! кричалъ онъ одному изъ мальчиковъ въ конюшнѣ... А я пойду спать.

Артуръ вытеръ потъ, наконившійся на збу и, подумавъ немного, рѣшился избавиться отъ мучившаго его призрака, принудивъ себя, хотя бы на одну минуту, заглянуть въ лицо дѣйствительности. Безъ махляшаго колебанія, онъ раздвинулъ пологъ, закрывавшій подножіе постели, и посмѣлѣлъ на то, что потъ нѣхъ сыралося...

Тамъ, откинувшись на подушкѣ, лежало спокойное и грустное лицо, на которомъ отражались торжественная неподвижность... — Ни махляшаго движенія, ни махляшаго измѣненія! — Артуръ смотрѣлъ нисколько не долѣ нѣсколькихъ секундъ, но этотъ близкій взглядъ успокоилъ его и привелъ къ себѣ.

Онъ началъ по прежнему ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжая такимъ манеромъ убивать время, пока кураторъ не пробилъ:

Полночь!...

Когда послѣднія колебанія колокола затихли, снова послышалась таухой шумъ: — то знаменитые гости выходили изъ кабинета, смежного съ гостиницей. Послѣ нѣкотораго прожужжания, новый шумъ возвысился о запертіи дверей и стѣнъ. Затѣмъ тишина ничѣмъ уже болѣе не нарушалась.

Итакъ, Артуръ оставался теперь одинъ, окончательно и совершенно одинъ съ мертвецомъ, до сѣдующаго утра.

Свѣчка опять нагорѣла. Онъ всталъ шипцы, — но въ ту же минуту остановился, внимательно посмѣлѣлъ на свѣчку — затѣмъ черезъ маю на таинственную кровать, потомъ снова на стоявшій передъ нимъ огонь. Свѣчка была цѣлыя, когда холостыи зажглись еще, но теперь оставалось всего одна треть или меньше. Черезъ часъ она должна была погаснуть. Черезъ часъ — если онъ не разбудитъ человѣка, запиравшаго двери гостиницы, чтобы достать новую свѣчку — то останется въ темнотѣ.

Не смотря на сильныя опущенія, испытанными имъ съ момента вступленія въ эту комнату, дѣтскій страхъ, мѣшавшій ему побѣдить смѣльное и увѣренность въ своей бодрости духа, еще и теперь не потеряли выхода на его голову.

Онъ стоялъ въ нерешимости передъ стоякомъ, думая открыть дверь и съ плахицами позвать мальчика, запиравшаго гостиницу. Въ это время для него было нѣкоторымъ облегченіемъ, какъ нибудь занять свои руки, хотя бы сжиманіемъ со свѣчки... Его рука немного дрожала и тяжелые шипцы сдѣлались очень неудобны. — Обстрѣгивая свѣчницу, онъ ошибся въ величинѣ нѣгара... Въ ту же минуту свѣчка погасла и комната погрузилась въ полнѣйшій мракъ.

Единственное впечатлѣніе, произведенное мглою на его умъ исчезновеніемъ всякаго свѣта, была боязнъ таинственной постели, боязнъ, не имѣвшая никакой опредѣленной формы, но до того сильная, что заставляла его прижаться къ креслу и напостить туши... Въ комнатѣ ничего не было слышно, кромѣ шума дождя, падающаго на стекла, шума, болѣе сильнаго и отчетливаго, чѣмъ прежде.

Необыслышанный страхъ, о которомъ мы только что сказали, удерживалъ его въ креслѣ. Входя въ комнату, онъ положилъ сакъ-воля на столъ; онъ вынулъ ключъ изъ кармана, осторожно протянулъ руку, отеръ мѣшокъ и началъ шарить поуту-сигары, въ которомъ были спички. Взявши одну изъ нихъ, онъ остановился, прежде чѣмъ черкнуть ею объ толстую доску стола и, не зная затѣмъ, стать прислушиваться.

(Продолженіе дѣйствія).

Поразительное вліяніе магнетизма на умирающаго.

РАССКАЗЪ ЭДГАРА ПО.

Необычайное происшествіе съ Вальдмаромъ, возбудило много толковъ. Да и неудивительно: для незнающихъ всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла оно должно казаться чудотъ, хотя, собственно, никакого чуда тутъ не было. Общее жалобное озабоченіе поспѣло съ этимъ таинственнымъ фѣломъ и наши успѣхи разсѣялись, его, дали поводъ къ невѣрному и преувеличенному говору въ публикѣ, который, представляя событіе въ крайне живомъ свѣтѣ, естественно, еще болѣе увеличилъ невѣрность этого случая.

Необходимо, сѣдовательно, теперь же возстановить истинное значеніе фактовъ, по крайней мѣрѣ, на сколько я ихъ понимаю. Дѣло состояло въ сѣдующемъ:

Въ послѣдніе три года я внимательно и не разъ занимался магнетизмомъ, и вотъ уже прошло почти 9 мѣсяцевъ, какъ меня въ 1-й разъ поразила мысль, что въ числѣ опытовъ примѣненія магнетизма существуетъ значительный пробѣлъ: до сихъ поръ ни одинъ умнрившій не былъ подвергнутъ вліянію магнетизма. Оставалось, поэтому, рѣшить: существуетъ ли въ подобномъ случаѣ у пациента какая либо восприимчивость къ магнетизму; если да, то увеличивается ли или уменьшается эта восприимчивость, и, наконецъ, въ какой степени и на какое время смертная агонія можетъ быть задержана. Нашлись бы, конечно, и еще не разрѣшенные вопросы, но меня, главнымъ образомъ, занимали эти, въ особенности послѣдніе, въ виду важности послѣдствій отъ его разрѣшенія.

Раздумывая, на комъ бы я могъ примѣнить эти опыты, я остановился на моемъ пріятелѣ Эрнестѣ Вальдмарѣ, довольно извѣстномъ составителѣ «Bibliotheca forensica» и переводчикъ на польскій языкъ (подъ псевдонимомъ Исхаара Маркса) «Валденштейна» и «Гаргантуа». Вальдмаръ, живущій съ 39 г. постоянно въ Гамбургѣ (въ штатѣ Нью-Йоркѣ), отличался необыкновенной худобой и блѣдыми бѣлыми чертами, составлявшими совершенный контрастъ съ торными волосами на головѣ, которые поэтому всѣ принимали за парикъ. Первонго темперамента, онъ представлялъ весьма удручій субъектъ для изслѣдованія. Два или три раза мнѣ безъ большаго труда удавалось его усыпить, но относительно другихъ примѣненій магнетизма, на которыхъ и было расчитывалъ при его тѣлоослаженіи, мнѣ пришлось ошибиться: воли его никогда не подчинялись мнѣ всецѣло, а следовательно не давало никакого серьезнаго результата. Непушѣвъ этого, впрочемъ, я всегда относился къ нездоровью моего пріятеля. За нѣсколькими мѣсяцами до моего знакомства съ Вальдмаромъ, врачъ объявлялъ ему, что у него захотѣла въ послѣдній степени, и поэтому за нимъ возлагась примычка толковать о своей смерти, какъ о вещи неизбежной и не вызывающей сожалѣнія.

Итакъ, когда мнѣ все это пришлось въ голову, то неудумо, что я остановился на Вальдмарѣ. Зная его образъ мыслей и то, что у него не было въ Америкѣ никого родныхъ, которые могли бы вступиться въ это дѣло, я откровенно рассказавъ ему мои планы. Въ удивленію — онъ былъ самъ заинтересованъ этими опытами весьма сильно. Я говорю, въ удивленію, потому, что хотя Вальдмаръ и дозволялъ мнѣ распоряжаться своей особой, но къ результатамъ моихъ изслѣданій относился совершенно безучастно.

Болѣзнъ его была такого рода, что можно было напроно предсказать время агоніи, а потому мы условились, что онъ придетъ за мной за 24 часа до смерти, которую ему, какъ водится, предлагали врачи. Назадъ съемъ мѣсяцевъ, и получалъ сѣдующую записку:

«Дорогой Н. Теперь прихотите: Д. и Ф. говорятъ, что я не должиу далѣе задерживать полночи. Кажется, они расчитали вѣрно, а если и ошиблись, то на немного. Вальдмаръ.»

Записка была мною получена через полчаса какъ написана, а черезъ 15 минутъ я былъ уже у умирающаго. Я не видѣлъ его 10 дней и былъ пораженъ тѣмъ, что надѣлаа болѣзнь за это время. Лицо было синюшного цвѣта, глаза закрыты, а худоба до того сильна, что кожа на суклахъ, казалось, готова была лопнуть. Дыханіе тяжкое и пульсъ едва слышенъ. Тѣмъ не менѣе, болѣзнь сохранила полную ясность ума и въторгъ запаса силъ. Говорилъ онъ отчужденно — принимая при этомъ безъ посторонней помощи какое то успокоивающее лекарство, и въ те прѣмъ, какъ я вошелъ, вносилъ что-то въ записную книжку. Онъ лежалъ на кровати, съ обложенъ ными подушками; докторъ Д. и Ф. хаотично по-врутъ.

Повая Вальдмару руку, я отвѣтъ докторовъ съ стороны, и они въ короткихъ словахъ рассказали мнѣ состояние больного: дѣло легкое уже подтора года какъ полуостепенно или превратилось въ хрипъ, и, конечно, неспособно было къ какому либо отпращиванію. Тоже было и съ верхней частью правого легка, тогда какъ нижняя часть его представляла сплотившую массу гнойныхъ хвоточныхъ бугорковъ. Кроме того, въ этой части легка существовала глубокія отвергія, а въ ономъ мѣстѣ началось пріращиваніе легкаго къ ребрамъ. Такое состояние правой полости было замѣчено очень недавно. Овощеніе шло скоро: въсилъ нападъ не было никакихъ признаковъ его; помимо хвотки, подозрѣвали еще аневризмы аорты, но распознать это, за отсутствиемъ, не представлялось возможнымъ. Оба врача полагали, что Вальдмаръ умретъ завтра, въ восресеніе, въ полночь. Сегодня была суббота, 7 ч. вечера.

Осталась загадка умирающаго, чтобы поговорить со мной, докторъ Д. и Ф. расспрошались съ большимъ наведемъ. Они не хотѣли уже возвращаться, но, по моему просьбѣ, рѣшились навѣстить больного вечеромъ около 10 ч.

Когда въ разолзались, мы богами съ Вальдмаромъ о скорой его смерти вообще, и о предстоящихъ опытахъ въ особенности. Они извѣстны на нихъ полное согласіе и даже настолько заинтересовался, что просилъ тотчасъ же приступить къ нимъ. Присутств., — дамы и женщины, — были возмъ, на всякій случай, но встаки я не считалъ себя настолько смѣлымъ, чтобы предпринять такое важное дѣло при этихъ только свидѣтеляхъ, которые къ тому же ознакомились въ мало пригодный въ случаѣ какой либо катастрофы. Потому я отложилъ операцию до 8 часовъ, когда приходъ студента медицины Теодора Л., моего дальняго родственника, вывелъ меня изъ затрудненія. Я было рѣшился еще подждать прибытія двухъ врачей, но однако долженъ былъ присутствовать къ дѣлу тотчасъ же, какъ по усвоеннымъ просьбамъ Вальдмара, такъ и потому особенно, что большой видимо угасалъ и терять время было некогда.

А было такъ любезенъ, что согласился записать все, что случится, а потому я буду вести рассказъ по его запискамъ, или бувано, или по выдержкамъ. Было безъ 5 ч. 8 ч., какъ я ввелъ Вальдмара за руку и просилъ его записать Л. насколько можно ясно, что къ производству магнетическаго опыта надъ Вальдмаромъ, при настоящихъ обстоятельствахъ приступано по твердому желанію его, Вальдмара.

Онъ не громко, но совершенно отчетливо произнесъ: «Да, я желаю подвергнуться дѣйстви магнетизма, и затѣмъ тотчасъ же прибавилъ: я боюсь, какъ бы вы не замѣшались».

Покъ они говорили, я началъ водить руками такимъ образомъ, при которомъ вліяніе магнетизма было наибольшее. Съ перваго же движенія руки черезъ добъ, онъ поддался моему вліянію, но затѣмъ, не смотря на всѣ усилія, не было никакихъ признаковъ уснашенія, вплоть до 10 мин. одиннадцатого, когда вошли докторъ Д. и Ф. Въ нѣсколькихъ словахъ я сообщилъ имъ мои намеренія, и такъ какъ они ничего не возражали, го-

вори, что умирающій уже отходитъ, то я безъ колебанія продолжалъ свой опытъ, мѣлалъ боковые движенія руки на продольныя и устремилъ въ то же время всю силу моего взгляда въ глаза умирающаго. »

Въ это время бленіе пульса прекратилось и большой тѣло подхалъ черезъ каждыя поминуты.

Состояніе это длилось, почти безъ перемѣнъ, съ четверть часа, и наконецъ, здоровый, чистый падохъ, хотя чрезвычайно глупой, вырвался изъ груди умирающаго и хрипота прекратилась, но крайней мѣрѣ ея не было слышно. Вздохи были также рѣдки, а оконечности похолодали, какъ ледъ.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Нетерпѣніе молодыхъ людей нынѣшняго времени. — Лучшия самобытность. — Волкъ похищаетъ 6-ти лѣтнюю дѣвочку. — Грозы и удары молніи. — Гравъ въ Жаганрогъ. — Бѣдствія, претерпѣваемые пассажирами на желѣзныхъ дорогахъ, легкіхъ невескихъ пароходахъ и въ адианкахъ Шалпина. — Волудушные шары. .

Въ молодыхъ людяхъ нынѣшняго времени начинаетъ проявляться большой недостатокъ, — это недугъ нетерпѣнія. Чуть только они сталкиваются въ жизни съ какими либо трудностями, для преодоленія которыхъ требуются нѣкоторыя усилія, они предпочитаютъ избѣгнуть этихъ усилій и, представая себѣ возникающій предъ ними вопросъ чѣмъ-то въ родѣ горькаго уха, развываютъ его уже слышавъ а Іа Александръ Македонскій, пріибавъ къ самобытству. Случай тако-го забавленія въ послѣднее время сталъ появляться чрезвычайно часто, а помертвыя письма, оставленные несчастными молодыми людьми, одержимыми недугомъ, до очевидности ясно указываютъ на существенный признакъ этого недуга: отсутствіе стойкости, твердости характера и твердой воли. Не проходитъ почти дня, чтобы та или другая газета не заявила о подобномъ случаѣ. Между прочимъ, нынѣшнимъ лѣтомъ было заявлено о самобытствѣ, совершенномъ на Чорной рѣчкѣ.

Молодой человекъ, австрійскій подданный, посавъ нѣкоторыхъ неудачъ, испытанныхъ имъ въ его учебной карьерѣ, начинаетъ грустить, теряетъ надежду, пытается возвратиться на родину, но недостатокъ средствъ мѣшаетъ ему исполнить это желаніе. Является отчаяніе; оно закрываетъ передъ нимъ выходъ изъ этого положенія и предательски указываетъ ему на средство, разомъ прекращающее всякія страданія. Недого думая, молодой человекъ хватается за это средство, пускаетъ себѣ пулю въ грудь, которая и разсѣкаетъ затннутый обстоятельствами жизни горькій узелъ. При осмортъ рѣзъ найденно писемъ такого содержанія: «Прощу никого не винить въ моей смерти... Плате, оставшееся послѣ меня и революеръ, которымъ я нѣмъ счастье застрѣлился, завѣваю друзьями моими. Что касается моего тѣла, то желалъ бы, чтобы оно было отдано на съдѣніе собакамъ, по крайней мѣрѣ, на съдѣніе нѣмъ, бѣдныя животныя будутъ мнѣ благодарны». Завѣваніе совершенно новаго рода. Въ этой нѣжной заботѣ къ бѣднымъ животнымъ ясно сказывается немоцъ духа въ борьбѣ съ неблагоприятными обстоятельствами жизни. Конечно, вопросъ, заданный себѣ Гамлетомъ: «Что доблестей для души: своему удару оскорбительной судьбы или возмстѣ противъ врага злѣмъ... етс., т. е. умереть, еще не рѣшено, но все же, мнѣ кажется, что слабымъ всѣмъ, кому приходится сталкиваться съ трудностями на пути жизни, стали преодолѣвать ихъ посредствомъ пусканія себѣ пу-

ли въ лобъ, то въ самомъ непродолжительномъ времени единственными обитателями нашей планеты остались бы одни животныя, всегда терпеливо борющіяся со всѣми встрѣчающимися имъ преградами въ жизни.

Но вотъ оригинальный поводъ къ самобытству, совершенно тоже недавно въ Инженеръ Нополаръ. Тамъ застрѣлился подпоручикъ N полнаго лѣтъ болзни, какъ гласитъ помертвыя записка, умереть отъ хомеры, причиняющей невыносимыя страданія. Несомненно, что это самый радикальный способъ предупрежденія всякаго рода болѣзней, но онъ врядъ ли будетъ введенъ въ употребленіе, такъ какъ онъ давшіе прѣмъ, медицина же наша любитъ изящные прѣмъ. Вы, напримѣръ, боитесь насморка, она не дастъ вамъ умереть отъ насморка, а угодно будетъ васъ въ хвотку и вы не успеете оглянуться, какъ померте отъ хвотки. Подпоручикъ поступилъ чрезвычайно перестатошно. Ну, обратимъ онъ къ любому доктору и скажи, что боится умереть отъ хомеры.... онъ и стааъ бы лечить его, т. е. постепенно изводить его въ могилу посредствомъ развитія въ немъ другого рода болзни. Но прежде, чѣмъ докторъ окончательно вычлѣилъ бы болзнь, хомера могла бы пройти и подпоручикъ, прогнавъ доктора, могъ бы еще остаться въ живыхъ, а теперь, уны! дѣло непоправимо.

Какихъ угодно бѣдъ не претерпѣваютъ люди въ этомъ мірѣ! Одни гибнутъ отъ нетерпѣнія, другіе — отъ хомеры, третьи — по избиженію хомеры, — четвертые отъ нашествия волковъ, пятые — отъ града, шестые — отъ удара молніи, и т. д. И перелопъ при этомъ подумаемъ: недалеко еще умало человечество, когда его разрушительныя изобрѣтенія оставили позади себя всѣя изобрѣтенія по части защиты. Показимъ, что оно изобрѣло громовой отводъ и тотъ же разрушительный революеръ можетъ служить, какъ средство защиты отъ волка, но и этотъ громовой отводъ и этотъ революеръ оказываютъ весьма ничтожную услугу въ дѣлѣ охраненія себя отъ удара молніи и отъ мощныхъ зубовъ голоднаго волка. Я готовъ бытись обо аккалахъ, что наступитъ то время, когда человекъ будетъ вполнѣ защищенъ и отъ хомеры, и отъ грома, и отъ волчьихъ зубовъ, и отъ всякихъ другихъ несчастій. А теперь посмотрите, что дѣлается!

Въ деревнѣ, среди бѣлаго дня, волкъ подкрадывается къ троицѣ, играющей на огородѣ, дѣвочкамъ, бросается на нихъ и, когда тѣ въ испугѣ пускуются бѣжать домой, онъ догоняетъ оставшую младшую, шестилѣтнюю дѣвочку, хватается ее и сьрываетъ съ нея, оставивъ лишь на мѣстѣ преступленія одинъ платочекъ, принадлежавшій несчастной малюткѣ. А то вотъ въ Жаганрогѣ вылазъ нынѣшнимъ лѣтомъ градь или, лучше сказать, съ неба посыпался на землю ледяной, такъ какъ нѣкоторые градины были ледяными, такъ большой асыпался и въшли, послѣ того уже, какъ они были падены, около двухъ съ половиною фунтовъ, а одна, имѣвшая форму круга швейцарскаго сыра, въсилъ, если вѣрить корреспонденціямъ, около 20 фунтовъ. А грозы и громы.... они не довольствуются однимъ лишь запугиваніемъ: Взлетаніе на козоловкѣ Симеоновской церкви или на деревянной крестъ строящейся на Липовѣ евангелическо-лютеранской болницы: крестъ битъ ударомъ молніи, а козоловка сверху до низу сильно отъ него пострадала. Если ко всѣмъ этимъ случайнымъ бѣдствіямъ присоединить неостражную, постоянно дѣйствующую разрушительную силу: наши желѣзныя дороги, то человекъ сдѣлаетъ подумать о грѣхахъ своихъ, которыхъ видимо не переноситъ наша безгнѣбная желѣзно-дорожная прѣпріятія. Я убѣренъ, что по желѣзнымъ дорогамъ, построеннымъ г. Полковникомъ, чаше, чѣмъ на другихъ, натаются грѣшники, ибо на нихъ чаше, чѣмъ на другихъ, повторяются несчастные случаи.

Да, грустно становится, когда подумаешь, что

УМЕНЬШЕНИЕ ЦѢНЪ

ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

Виллера и Вильсона,

ОБРАЗУЮЩИХЪ ДВОЙНУЮ СТРОЧКУ.

БОЛѢЕ 550,000 НАХОДЯТСЯ
ВЪ УПОТРЕБЛЕНИИ.

Всѣдѣтельное расширеніе круга дѣйствіи фабрики, дающаго возможность компаниямъ Виллера и Вильсона вымѣ поставлять машины по удешевленному тарифу и отвѣчать на всѣхъ заказовъ на оныя (фабрика изготовляетъ болѣе 300 машинъ въ день), Г. М. Хуттонъ и комп., единственными агентами оной для Россіи, будутъ отпускать машины съ значительными уменьшеніями

отъ 55 рублей серебромъ

Безплатнымъ обученіемъ и письменной гарантіей исправности
машины на четыре года.

КАЧЕСТВА, РЕКОМЕНДУЮЩАЯ ЭТИ ЗНАМЕНИТЫЕ
МАШИНЫ, СУТЬ СЛѢДУЮЩІЕ:

- 1) Красивый и превосходный шовъ, извѣдый одинаковымъ вѣзъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны обшиваемой матеріи.
 - 2) Крѣпость и прочность шва, не расширяющагося и нежмущагося.
 - 3) Приспособленіе приводовъ и обширное приженіе оныхъ къ работамъ и матеріи.
 - 4) Сбереженіе нитокъ.
 - 5) Уборчивость и изящность выноса и отбѣлки.
 - 6) Несложная и прочная конструкция.
 - 7) Выстойный ходъ, легкость въ употребленіи и управленіи и отсутствіе шума во время дѣйствія.
- Двойная строчка превосходитъ всѣ другія стежки; машина Виллера и Вильсона образуетъ эту строчку лучше всѣхъ другихъ машинъ.

Ручныя машины отъ 15 до 55 рублей.

Настоящія американскія машины Eames Gay, величина С, цѣна 100 руб. сер.

Бумага, шовъ, машинныя иглы и проч. по умереннымъ цѣнамъ.

Гг. желающихъ получить агентство на означенныя машины, просить обращаться за условіями къ

Г. М. ХУТТОНЪ и Комп.,

главнымъ агентамъ для Россіи,

въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Склады: въ С.-Петербургѣ, № 14 й. Малая Морская; въ Москвѣ, Большая Лубянка, домъ Мазуриной; въ Одессѣ, Почтовая улица, домъ Вургафта, и контрагентомъ въ провинціи.

— Компания Виллера и Вильсона гарантируетъ подлинность только тѣхъ машинъ, которыя куплены у Г. М. Хуттона и Комп., или отъ ея агентовъ въ провинціи.

(326) 8—6.

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ.

DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ 16 листовъ, съ 60-ю тщательными исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебельщиковъ, но и для любителей.

Цѣна Альбомъ 3 р., съ перес. 4 р. с.

Главный складъ находится у книгопродавца-издателя Германа Гонне, на Большой Садовой въ д. Корвинна, № 16.

(329)

Табель домовъ города С.-Петербургъ,

съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою,

составленная по направленію полиціи и указывающая, чей домъ въ какой части и въ которыхъ полиційскомъ и мировомъ участкахъ состоитъ. Съ приложеніемъ

ПЛАНА ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА.

Цѣна 75 коп., съ перес. 1 руб. сер.

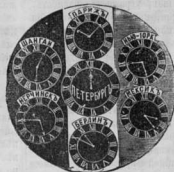
(321)

Главная Контора Редакціи «МОДНЫЙ СВѢТЪ» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, въ д. Корвинна (быш. Нальна), № 16. Доавно по курьеру. С.-Петербургъ, 7 Августа 1871 г.

Издатель Германъ Гонне. — Редакторъ Ю. Померанцева.

Типографія А. М. Кочова. Невск. просп. д. № 18.

1872.

1872.

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1872 г.

(ВЪ КРАСНОЙ ОБЕРТКѢ СЪ ЧАСАМИ.)

Календарь этотъ печатается въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе сентября мѣсяца 1871 г. Въ немъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ заключаться отдѣлы

частныхъ объявленій всякаго рода.

Личъ, желающихъ помѣстить свои объявленія въ этомъ календарѣ, я прошу прислать таковыя немедленно въ мою контору, такъ какъ примѣръ продолжается только до 20 августа.

Цѣна за страницу объявленія 30 руб.

за 1/3 страницы » 17 »

Гг. желающіе сдѣлать для своихъ объявленій позитивныя, могутъ обратиться для этого въ мою контору, на Вос. Садовой улицѣ, д. Корвинна, быш. Нальна, № 16, въ С.-Петербургѣ.

Издатель «Всегообщаго Календаря» Германъ Гонне.

(328)

ВЪ КОНТОРѢ КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

ГЕРМАНА ГОННЕ,

въ С.-Петербургѣ,

на Большой Садовой улицѣ, домъ Корвинна, № 16,

Продаются слѣдующія изданія:

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ.

GUIDE DU VOYAGEUR EN RUSSIE

par J. BASTIN.

ST.-PETERSBOURG,

ses environs immédiats et ses résidences Impériales; Schlüsselbourg et les îles du Ladoga, Moscou, Novgorod, Nijni-Novgorod, Kazan, Toul, Orel, Koursk, Kharkof, Poltava, Kieff, Odessa, la Crimée, Réval, Riga, Narva, Viborg, Helsingfors, Varsovie etc.

avec notices historiques, statistiques, littéraires etc.,

l'indication des lignes routières de l'empire russe, un plan de St.-Petersbourg, un plan de Moscou, une carte de la Russie, un catalogue des tableaux de l'Hermitage et un petit guide de conversation français-russe.

Въ англійскомъ переплетѣ. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп. (330)

ЖАДИМГРОВСКОЙ, ВАЙМАКОВЪ и Комп.

На Невскомъ пр. № 60.

Принимаютъ страхованіе отъ tirarной погашенія билетовъ 1-го и 2-го внутр. съ выигранными займовъ,

по 10 коп. сер. за билетъ.

Взамѣнъ вышедшихъ въ тиражъ билетовъ, штемпелеванныхъ прусскими штемпелями, будутъ выдаваемы билеты штемпелеванные, и на оборотъ.

Гг. Иногородные приплачиваютъ одинъ руб. на расходы по корреспонденціи, за каждый заемъ на каждый тиражъ.

(327) 3—1.

БИБЛИОТЕКА ПЕТРОВА

выдаетъ въ чтеніе книги и журналы. Плата умеренная. По желанію, книги доставляются на домъ.

Библиотека, кромѣ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, особенно рекомендуетъ свой огромный отдѣлъ словесности (романы, повѣсти, стихотворенія, драмы и комедіи). Условія полнаго и наизящнаго книгъ — въ библиотекѣ: Вас. остр. уагъ Большого пр. и 2 линіи, д. № 17.

(331)